

Книга греческого экономиста А. Андреадиса была посвящена истории финансов и хозяйства Греции от античности до нового времени; история Византии заняла в этой работе достойное место⁶. При этом Андреадис, в отличие от Брентано, основывался на источниках (преимущественно нарративных). Его книга также идеализирует византийскую экономику, и эта тенденция сохранилась в его последующих работах, о которых пойдет речь ниже.

Специальные интересы аграрных историков Византии сосредоточивались в ту пору на двух основных проблемах, поставленных уже учеными начала XX в.: феодальные институты и община.

Если русская византистика послеоктябрьского периода признала существование византийского феодализма⁷, то на Западе позитивное решение этой проблемы в 20-е годы можно было встретить крайне редко. Только Монье в работе, посвященной законодательству Льва IV, весьма решительно высказался в пользу феодальной теории, хотя и понимал под феодализмом, подобно большинству буржуазных ученых, лишь децентрализацию. По мнению Монье, при императорах Македонской династии «крупная собственность превратилась в феодальную»; однако он не объясняет, каким образом это произошло. Окончательным же триумфом феодальной аристократии, по мысли французского историка, была эпоха Комнинов⁸.

Мимходом высказанное суждение Монье не привлекло к себе внимания. Впрочем, некоторые западные историки того времени касались в своих работах истории византийских феодальных институтов, не называя их, однако, «феодальными». В 1920 г. видный немецкий филолог А. Гейзенберг опубликовал исследование о некоторых византийских памятниках палеологовского периода; среди других он издал простагму императора Михаила VIII и в детальном комментарии к ней затронул вопрос о византийской пронии⁹. Гейзенберг извлек преимущественно из нарративных источников большое количество свидетельств о пронии, но, оставаясь филологом, по сути дела даже и не поставил вопроса о социальной природе этого института.

Иначе были написаны работы болгарского историка П. Мутафчиева, затрагивавшие тот же вопрос. Мутафчиев исходил из того, что особое военное устройство было одним из основных элементов, обеспечивших устойчивость Византии¹⁰, и потому посвятил свое исследование стратиотскому землевладению в последние века империи; он подчеркнул, что судьба стратиотов была тесно связана с судьбами крестьянства и что стратиотская система рухнула тогда, когда императоры отказались поддерживать мелкое землевладение в его борьбе с крупным¹¹. Специальный раздел этой

⁶ A. Andreades. 'Ιστορία τῆς ἐλληνικῆς δημοσίας οἰκονομίας, т. 1, μ.2. Ἀθήναι, 1918 (см. рецензию: E. Ziebart. «Hellas», 1921, № 4/5, S. 13 f.). Ср. также D. L. Zografos. 'Ιστορία τῆς ἐλληνικῆς γεωργίας, т.1. Ἀθήναι, 1921 (нам недоступно. См. A. Heisenberg. BZ, 25, 1925, S. 217).

⁷ Здесь следует отметить прежде всего книгу А. А. Васильева «Латинское владичество на Востоке» (Иг., 1923); 11-я глава этой книги («Вопрос о феодализме в Византии») была затем переведена на английский язык (A. A. Vasiliiev. On the Question of Byzantine Feudalism. Byz., vol. 8, 1933), что в значительной мере способствовало возобновлению в западной литературе дискуссии о византийском феодализме. Об этом см. ниже, стр. 140.

⁸ H. Monnier. Les Nouvelles de Léon le Sage. Bordeaux, 1923, p. 11, n. 2.

⁹ A. Heisenberg. Aus der Geschichte und Literatur der Palaiologenzeit SBAW, 1920, Abh. 10, S. 70 f.

¹⁰ П. Мутафчиев. Войнишки земи и войници в Византия през XIII—XIV в. СпБАН, кн. XXVII, Кл. ист.-филол., № 15, 1923, стр. 93.

¹¹ Там же, стр. 94 сл.